

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 821.161.1

*Бадегюль Джан Эмир***БЕЛЫЕ РУССКИЕ В СТАМБУЛЕ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА МИТХАТА ДЖЕМАЛЯ КУНТАЯ «ТРИ СТАМБУЛА»)**

Караденизский технический университет, 61080, Трабзон, Турция

После Октябрьской революции некоторые белые русские переехали в Стамбул и влились в общественную жизнь города. Об этих русских рассказывается в турецких романах, написанных в ту эпоху. Одним из таких романов о белых русских в Стамбуле является роман Митхата Джемалю Кунтая «Три Стамбула». История жизни главного героя романа Аднана разворачивается на фоне трех периодов: периода Абдул Хамида, эпохи второй Конституции и периода Мудросского перемирия. В то же время рассказывается о положении русских, поселившихся в Стамбуле после Октябрьской революции. Статья посвящена исследованию вклада белых русских в социальную жизнь Стамбула, их влияния на жизнь города, отмечается также след, оставленный белыми русскими в истории города. Показано, как возможность близкого знакомства создает условия для дружеского сосуществования двух народов. Библиогр. 6 назв.

Ключевые слова: Митхат Джемаль Кунтай, «Три Стамбула», белые русские.

WHITE RUSSIANS IN ISTANBUL, AFTER *THREE ISTANBULS* BY MİTHAT CEMAL KUNTAY*Badegül Can Emir*

Karadeniz Technical University, 61080, Trabzon, Turkey

The white Russians who came Istanbul in consequence of rejecting the Bolshevik Revolution took their places as a part of social life in the novels written in that period. One of these novels describing white Russians is Mithat Cemal Kuntay's *Three Istanbul (Üç İstanbul)*. He enlightens three periods of Istanbul in *Three Istanbul* as the reign of Abdülhamit, the Second Constitutionalist Era, and the Armistice Period. In the novel, besides different sides of Istanbul in the direction of the protagonist Adnan's experiences, the position of Russians in Istanbul who came to the city with the Bolshevik Revolution attracts attention. In this study, the contribution of white Russians to the city's life as a part of social life and the effect in the city were focused on and also it was pointed out that how white Russians marked an era. At the same time, this study is important because of the emphasis that when two communities find an opportunity to know each other better, they can live in harmony. Refs 6.

Keywords: Mithat Cemal Kuntay, *Three Istanbul (Üç İstanbul)*, white Russians.

С приходом к власти большевиков после революции 1917 г. многие русские — сторонники царского правления переселялись в различные места, в том числе и в Стамбул. С 1918 г. в Стамбуле находилось много белых русских, которые оставили

в истории города такой заметный след, что этот период даже называли «белыми годами» [1, s. 312]. «Белые годы» длились довольно долго, судя по высказыванию Жака Де Леона: «Проживание белых русских в Стамбуле было заметным явлением с 1918 года по 1940-е годы» [1, s. XII]. Это было трудное время для Стамбула, и русским переселенцам пришлось бороться за выживание в городе. Почти в каждом турецком романе тех лет рассказывается о белых русских, оставивших глубокий след в культурной жизни Стамбула, его искусстве, моде и развлечениях. Русские, поселившиеся в Стамбуле, стали одной из ярких тем турецкой прозы этого периода. В числе романов, повествующих о белых русских в Стамбуле, можно назвать «Я сумасшедший?» (1925) Хусейна Рахми Гюрпынара, «Диверсант» (1926) Эрждумента Экрема, «Содом и Гоморра» (1928) Якуба Кадри Караосманоглу, «Фатих-Харбие» (1931) Пеями Сафы, «Товарищи по классу» (1943) Джевдета Кудрета, «Люди плененного города» (1970) Кемаля Тахира, «За пределами сцены» (1973) Ахмеда Хамди Танпынара, «Негры друг на друга не похожи» (1957) Атиллы Ильхана и др. В них русские предстают важной составляющей стамбульского общества.

Появление русских в Стамбуле привело к росту населения и еще большей бедности, а также положило начало новой моде и социальным изменениям.

Много шума произвели в Стамбуле поселившиеся здесь белые русские женщины. Белокожие, светловолосые, голубоглазые, они ходили с непокрытой головой, в коротких юбках, также известных под названием «кlesh». Волосы у них были коротко подстрижены. Стрижка называлась «колокольчик». Некоторые из них повязывали на голову тюль. Они ввели моду на «русскую голову». В те годы в Европе были в моде золотистые кисточки на юбках, тюлевый жилет, пояс, пристегивающийся на талии и завязывающийся бантом, длинный вышитый бархатный чепкен, воланы и серебряные нити на юбке, оборка на шее. Поселившиеся в Стамбуле белые русские аристократки, бывавшие в Европе, принесли с собой последний крик моды, и русские портные пользовались спросом среди элегантных стамбульских дам <...> Эти же белые русские ввели в Стамбуле моду на искусственные родинки и моду капать духи на шелковые платочки с кружевами [2, s. 217].

Белые русские стали героями романа Митхата Джемалю Кунтая «Три Стамбула», увидевшего свет в 1938 г. Митхат Джемаль Кунтай был первым в Турции доктором юридических наук. Он родился в Стамбуле в 1885 г. и умер в 1956 г. от рака легких (перед смертью работал нотариусом стамбульского района Бейоглу). Известный поэт, биограф и журналист, Кунтай писал произведения на темы, связанные с героизмом, любовью к родине и историей. «Три Стамбула» — единственный напечатанный роман Кунтая. Сам автор говорил о нем так:

Я не писал о том, чего не знал и не видел <...> Я собрал эти три периода в вещах и людях. Я написал свой роман по деталям, взятым из взаимного проникновения вещей и людей <...> С этими людьми и вещами я имел возможность близко познакомиться во дворцах и особняках, в которых мне довелось бывать и по семейным связям, и по должности, которую я занимал в последнее время [3, s. 442].

«Три Стамбула» — история мальчика по имени Аднан, потерявшего отца в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и оказавшегося беженцем в Стамбуле. Через историю жизни Аднана в романе «Три Стамбула» представлены период Абдул

Хамида II (между 1876 и 1913 гг.), эпоха второй Конституции (1918 г.) и период Мудросского перемирия (1918 г.). Через образ главного героя Аднана читателю дается возможность увидеть радости и разочарования персонажей, вступивших в эпоху второй Конституции с большими надеждами. Жизнь Аднана предстает в романе в трех периодах, точно соответствующих жизни Стамбула: Аднан-бедняк в период Абдул Хамида II, Аднан-богач в период правления партии «Единение и прогресс» и Аднан, лишившийся всего в период Мудросского перемирия. В трех периодах жизни турка-интеллигента Аднана показаны вырождение османов, «неправильная европеизация», а после 1917 г. роль поселившихся в Стамбуле русских.

Эпоха, изображенная в романе «Три Стамбула», является важной для изучения с политической, экономической и социальной сторон. Этот роман можно кратко назвать романом о крушении Османской империи [4, s. 45].

Для нас «Три Стамбула» важен как предмет исследования, потому что в нем от начала до конца наблюдается влияние белых русских на политические, культурные, социальные и художественные стороны жизни. Из романа мы узнаем, что русские оказали глубокое влияние на социальную структуру турецкого общества. Кроме того, мы узнаем, что русские и турки жили в Стамбуле дружно. Русские часто оказываются в центре событий и влияют на жизнь главного героя. Аднан дважды терпит крах по вине русских, т.е. русские сыграли важную роль в двух критических периодах его жизни. В первом случае Русско-турецкая война 1877–1878 гг. сделала его беженцем, подвергла нищете и прочим тяготам жизни. Во втором случае русский князь отобрал у него любимую женщину — Белькис. Важная роль русских персонажей в жизни главного героя указывает на влияние, которое белые русские имели в турецком обществе.

После гибели отца в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Аднан с матерью приехал в Стамбул и поселился в особняке «англичанина» Саид Паши. Аднан учился на факультете права и стал адвокатом, но работать по специальности не хотел. Он принялся писать роман под названием «Разрушенная родина», в то же время он публиковал статьи под разными псевдонимами. Аднан жил бедно, его личная жизнь проходила между «учительством, особняками и женщинами», но все изменилось, когда он стал одним из важных деятелей партии «Единение и прогресс» в Стамбуле. Он разбогател и смог жениться на Белькис, в которую был страстно влюблен. Однако во время периода Мудросского перемирия настала нищета. Белькис покинула Аднана. Она ушла к русскому князю, с которым познакомилась в доме госпожи Чарыковой, жены русского посла в Стамбуле месть Николая Чарыкова, и который влюбился в нее. У Белькис, придававшей значение внешнему блеску, русский князь вызвал восхищение своей знатностью и благородством. Получив возможность стать женой знатного русского, Белькис развелась с Аднаном и вышла замуж за князя. Но их счастье длилось недолго: скоро у князя кончились деньги, ему не на что было купить себе морфий, и они стали бедствовать. Они переехали в старую квартиру в районе Бейоглу и зажили в нищете, все квартирные расходы оплачивал сводный брат князя, который работал у него слугой. Слуге было жалко Белькис, и временами он даже давал князю деньги на морфий. Не в силах вынести нищеты и ссор с князем Белькис бежала в Америку на заработки, но и там у нее ничего не получалось. В конце концов она покончила жизнь самоубийством.

Между тем Аднан после развода с Белькис женился на Сухейле, которая когда-то брала у него уроки литературы и была в него влюблена. Аднан стал работать адвокатом. Он был обеспокоен и опечален тем, что за особняк платила Сухейла, а у него было мало адвокатской работы, и, главное, его не вызывали на работу в Анкару (как депутата). Через некоторое время его мать скончалась от туберкулеза.

Главными русскими героями в романе выступают посол России в Стамбуле меcье Николай Чарыков, его жена госпожа Чарыкова, Сергей Иванович Небинский и человек искусства слуга. На примере этих героев Митхат Джемаль изображает русских как оккупантов в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., описывает положение русских беженцев, оказавшихся в Стамбуле, их борьбу за выживание и подчеркивает благородство белых русских и их стойкость в любых обстоятельствах.

В романе «Три Стамбула» представлена общая картина России. Россия прежде всего предстает перед читателем страной, сделавшей турок беженцами. Митхат Джемаль начинает свое повествование с турок, ставших беженцами после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Беженец Аднан пишет роман под названием «Разрушенная родина», и роман Аднана, как и роман Митхата Джемалья, начинается с рассказа о турках, ставших беженцами после войны 1877–1878 гг.

Анатолия и Румелия горят, как два деревянных особняка на двух концах линии горизонта; на горизонте, спасаясь от пожара, бегут люди с растрепанными волосами — беженцы войны 1877–1878 годов <...> Беженцу некуда идти, он шагает, словно призрак, однообразным шагом; ему приходится есть хлеб другого призрака, имя которого ему неизвестно. Но по сравнению с преследовавшим турецкого беженца ужасом московского коня со всадником другие беженцы кажутся просто путешественниками с багажом и продуктами питания. На войне 1877–1878 годов три вещи не имели границ: болезнь, голод и родная земля! [5, s. 9–10].

Вслед за Россией, делающей людей беженцами, в романе изображается Россия, стоящая на стороне армян, а потом — Россия с высоким искусством, литературой и благородством. В этом смысле примечательны слова Аднана: «Пусть видят, как армянские ежегодники печатают, словно героев, фотографии воевавших против нас армян — генералов московских войск» [5, s. 399]. Если здесь мы видим критику в адрес России за поддержку армян, то в следующем примере — похвалу России за ее искусство. На замечание Аднана, что в Турции нет достойных людей по причине абсолютизма, генерал Генштаба отвечает: «Разве в России не абсолютизм? Однако в России появился и Толстой, и Достоевский. И вы пишете, как они; пусть мы запре-тим ваши произведения здесь, зато их будут читать в Европе и Америке. Вы хоть одну “Анну Каренину” написали?» [5, s. 216]. Как видим, этот пассаж вовсе не содержит критику русской культуры и русских мигрантов, напротив, автор изложил объективный взгляд на русских в Стамбуле и на восприятие турками России.

Митхат Джемаль в своем романе не считает лишним напомнить и о богатой прошлой жизни в России русских, поселившихся в Стамбуле. Когда Белькис рассказывает князю о своей прошлой богатой жизни, мраморной вилле на берегу моря, князь говорит ей в ответ, что для него это богатство ничего не значит.

Эта турчанка, наверное, считала царскую Россию красивой игрушкой. В царской России озера, рудники, скот и люди — все принадлежало нескольким упитанным мужчинам с бородами, как у попов, и грудями, как у женщин. Одним из них был

отец князя. Однажды в Москве его отец подарил одной французской артистке несколько таких мраморных вилл, словно сережки на уши повесил. Богатство отца князя сверкало насилием. Его несметное богатство напоминало кладбище, через которое протекали реки и моря! [5, s. 548].

Но напоминание о его богатой жизни здесь, на наш взгляд, служит цели показать читателю гордого русского, которому трудно терпеть нищету после богатой жизни. Фактически белые русские в романе выделяются тем, что, даже оказавшись в нищете, стараются сохранить гордость и достоинство. Это лучше всего видно на примере посла России в Стамбуле меесье Николая Чарыкова и его жены госпожи Чарыковой.

Посол царской России в Стамбуле во время Первой мировой войны меесье Николай Чарыков после падения царского режима оказался в нищете, но держал это в тайне и так и умер в Стамбуле с честью и достоинством. Его жена зарабатывала себе на жизнь частными уроками. Гордость добродетельности в маленьком доме в районе Бебек спасала ее от холодного нрава, столь привычного для тех, кто оказался в нищете [5, s. 513].

Изображая гордого русского, автор акцентирует внимание на благородстве русских. Так, русский князь обратил на себя внимание Белькис именно своим благородством. В следующем примере показано, как князь впечатлил Белькис, падкую на внешний блеск и украшения:

На эти редкие чаепития приходили также известные белые русские Стамбула. Одним из них был этот русский, которого представили Белькис: князь Сергей Иванович Небинский. Услышав слово «князь», Белькис уставилась на него и не могла отвести от него глаз. Если бы он не был очень красивым и так изящно одетым, то мог бы показаться смешным. Казалось, кроме них в зале никого не было <...> Этот князь, как и Аднан, был неразговорчивым, но когда молчал, то не был таким глупым, как Аднан. И еще этот князь был воспитанным до мозга костей [5, s. 513].

Белькис была впечатлена благородным видом князя и стала сравнивать его с Аднаном.

Только от рождения можно научиться смеяться так, как смеется этот русский князь <...> Это какой-то «всезнающий» смех. А еще этот русский князь не удостоивал ее своих слов, но терзал и поражал своим учтивым, гордым взглядом. А еще в этом князе не было ничего «нового», все было как бы врожденным. Его шикарная, но грубая обувь была такой же естественной, как и его ноги, пиджак элегантно сидел на нем, вся его одежда как бы выставляла наружу его внутренний мир... Даже цепочка часов совсем не бросалась в глаза, смотрелась на нем деликатно, как одна-две точки на складках его жилетки! Не то что цепь часов Аднана, которая висела на нем как линия, начерченная по линейке! [5, s. 514–515].

Здесь Белькис, впечатленная поведением, смехом, одеждой и благородными манерами русского князя, сравнивает его с Аднаном, и муж кажется ей неотесанным. И когда она подошла к госпоже Чарыковой, познакомившей ее с князем, чтобы осведомиться о нем, и даже когда госпожа Чарыкова рассказала ей о том, что

князь зависим от морфия и поэтому продал свою жену, Белькис все равно не передумала — она твердо решила выйти замуж за князя.

Белькис подумала: «Этот морфиевый наркоман-князь, даже если на него вылить целый ящик виски, все равно будет в тысячу раз лучше отсталого Аднана». На обратном пути она окончательно решила выйти за русского князя. За две недели до этого князь как раз продал свою жену за семь тысяч лир и был свободным [5, s. 516].

Писатель подчеркивает, что князь обладал достоинством, несмотря на то что он был наркоманом и продал свою жену. В этой связи примечательно то, что князь никогда не называл своего слугу, который приходился ему сводным братом, слугой.

Слуга был братом князя по отцу, но от другой матери — от любовницы отца. Русский князь еще ни разу не назвал его в присутствии Белькис слугой; князь был не из таких низких людей [5, s. 542].

Впрочем, автор не скрывает и слабостей князя как человека, зависимого от морфия, и его дурного обращения с Белькис. Он ярко показывает читателю, до чего довела наркомания самого князя и его семейную жизнь с Белькис.

Семь тысяч лир, вырученные князем от продажи прежней жены, он проиграл еще тремя месяцами раньше. Они ушли из арендованного ими дома, уволили двух поваров и многих слуг. Из-за неуплаты аренды хозяин дома наложил арест на имущество и выставил его на продажу [5, s. 541].

В романе «Три Стамбула» на примере русского слуги, брата князя, русские изображены людьми, способными обеспечить себя и успешными в искусстве. Русский слуга своим талантом получил признание в высшем обществе Стамбула. В романе об этом рассказывается следующим образом.

Слуга окончил художественное училище в России, он был художником, а еще он умел играть на виолончели. Половину своей спальни он переделал в художественную мастерскую, отделив ее персидской тканью <...> Помыв посуду, он закрывался в этой комнате и принимался за работу: он придавал облик старины вещам новых богачей, на которых все «новое» наводило тоску. Под его кистью новое кресло становилось предметом пятнадцатого века — по крайней мере Ренессанс! <...> ему приносили резное дерево, и через две недели оно превращалось в сундук для приданого семьи Медичи. Слуга не мог разбогатеть лишь потому, что с робостью бедняка не смел просить у клиентов больших денег за свой труд [5, s. 543].

В романе «Три Стамбула» также показано поразительное умение белых русских заработать себе на жизнь во многих сферах деятельности: они работали врачами, аптекарями без разрешения, управляющими в ресторанах и барах, официантами, музыкантами, художниками и т. п. За какое бы дело ни брались русские, они производили впечатление на местных жителей своей работой. Итальянец Уилли Сперко, родившийся в Измире, рассказывал об обслуживании в ресторане во время посещения Стамбула.

Говорят, что в одном из русских ресторанов на улице Пера клиентов обслуживают настоящие принцессы. Не знаю, на самом ли деле они принцессы, но меня

они просто изумили своими изящными движениями, и я видел, как многие люди, молодые и старые, уплатив счет с десятипроцентными чаевыми, кланяясь, целовали им руки [1, s. 176].

Официантки в ресторанах были очередным новшеством, привнесенным в Стамбул русскими. До этого женщины здесь не работали официантками. Русских женщин, работавших в ресторанах и барах Стамбула, называли «харашо»¹. Светловолосые и красивые «харашо» очень привлекали турецких мужчин, а это не нравилось их женам и было причиной многих семейных ссор. Это удачно показано в следующих строках, напечатанных в те годы в юмористическом журнале «Aydede»:

Ленин, Ленин! Ты нам снова навредил: ты разрушил Анатолию дружбой, а Стамбул — враждой. Анатолия выучила слово «товарищ», а Стамбул — слово «хорошо», и это так дорого стоило и тем и другим [1, s. 197].

Митхат Джемаль в романе «Три Стамбула» хотел показать читателю, как два народа, воевавшие между собой на протяжении столетий, получив возможность узнать друг друга ближе, могут жить вместе в дружеских отношениях. Как сказал Валерий Левицкий, «оказывается, после войн за каких-то два месяца можно так искренне и с чувством полюбить друг друга. По-моему, русские никогда не должны забывать той заботы и любви, которую проявили к ним турки в это трудное для обоих народов время» [6, s. 3297]. И правда, уезжая из Стамбула, белые русские не престанно благодарили турок. Их благодарность хорошо выражена в следующих словах из рассказа «Спасибо», напечатанного в 1924 г.

Спасибо, Стамбул! Ты открыл нам объятия свои, принял нас в свой дом, нашел работу и спас нам жизнь! Мы тебя никогда не забудем, прекраснейший город земли! Ты стал нам второй родиной. Когда мы в слезах и отчаянии ступили на землю Турции, нас здесь встретили тепло и дружелюбно. Наши турецкие друзья сделали все возможное, чтобы облегчить наши страдания. Эта гостеприимная земля заключила нас в братские объятия и согрела нас своим теплом. Назвав нас братьями, турки продемонстрировали, что они не только героический народ, но и отзывчивый. Мы, русские, никогда не видели такого доброго и щедрого отношения. Поэтому мы просим вас принять нашу братскую благодарность и наше братское «прощайте!». Мы всегда будем восхищаться турецким народом, в котором живет львиное благородство, гордость и отвага [1, s. 139].

В заключение скажем, рассказывая о белых русских, писатель занял объективную позицию: он критиковал русских за то, что они отправляли турок в изгнание во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но в то же время он изображал их людьми благородными, достойными, гордыми и умелыми в искусстве. Во время своего проживания в Стамбуле русские внесли важный вклад в жизнь города своими знаниями и опытом, они оказали глубокое влияние на социальную структуру общества и оставили заметный след в сферах развлечения и изящных искусств. Вместе с тем они выполнили важную миссию в деле сближения двух народов.

¹ Слово «харашо» прижилось и распространилось. Роман Поля Херигота “Acide Russigue” о русских во время оккупации Стамбула в 1931 г. вышел в турецком переводе под названием “Bir Naraşo” (см.: [1, s. 277]).

Литература

1. Bakar Bülent. Esir Şehrin Misafirleri, Beyaz Ruslar. İstanbul: Tarihçi Kitabevi; I. Baskı, 2012. 415 s.
2. Özdemir Fatih. İstanbul'dan İnsan Manzaraları: Türk Romanında Beyaz Ruslar // Çankaya University Journal of Humanities and Social Sciences. 2011. Vol. 8, N 2. S. 215–262.
3. Kudret C. Türk Edebiyatında Hikâye ve Roman 2. İstanbul: İnkılâp Kitabevi, 1987. 500 s.
4. Naci Fethi. Türkiyede Roman ve Toplumsal Değişim // Mithat Cemal Kuntay: Yaşamı, Sanatı, Eserleri. İstanbul: Engin Yayıncılık, 1997. 224 s.
5. Kuntay Mithat Cemal. Üç İstanbul. İstanbul: Oğlak yayıncılık, 16; Baskı, 2012. 712 s.
6. Üçgül Sevinç, Erinç Erdem. Rus Göçmenlerinin İstanbul Yolculuğu (XX. yüzyılın başlarında) // Uluslararası Asya ve Kuzey Afrika Çalışmaları Kongresi (ICANAS) 38. Ankara, 1–4 Mayıs 2012. Vol. 7. P. 3287–3297.

Для цитирования: Бадегюль Джан Эмир. Белые русские в Стамбуле (на примере романа Митхата Джемала Кунтая «Три Стамбула») // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2017. Т. 9. Вып. 1. С. 4–11. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2017.101.

References

1. Bakar Bülent. *Guests of Captivated City, White Russian*. İstanbul, Tarihçi Kitabevi, I. Baskı, 2012, 415 s. (In Turkish)
2. Özdemir Fatih. Human Landscapes from İstanbul: White Russians in Turkish Novel. *Çankaya University Journal of Humanities and Social Sciences*, 8/2 (Kasım 2011), pp. 215–262. (In Turkish)
3. Kudret C. *Story and Novel in Turkish Literature II*. İstanbul İnkılâp Kitabevi, 1987, 500 p. (In Turkish)
4. Naci Fethi. Novel in Turkey and Social Change. *Mithat Cemal Kuntay: His Life, Art and Works*. İstanbul, Engin Yayıncılık, 1997. 224 p. (In Turkish)
5. Kuntay, Mithat Cemal. *Three İstanbul*. İstanbul, Oğlak yayıncılık, 16. Baskı, 2012. 712 p. (In Turkish)
6. Üçgül Sevinç, Erinç Erdem, The Movement of Russian Immigrants to İstanbul (Early 20th Century). *38th International Congress of Asian and North African Studies*. Ankara, 1–4 Mayıs 2012, vol. 7, pp. 3287–3297. (In Turkish)

For citation: Badegül Can Emir. White Russians in İstanbul, after *Three İstanbuls* by Mithat Cemal Kuntay. *Vestnik SPbSU. Asian and African Studies*, 2017, vol. 9. issue 1, pp. 4–11. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2017.101.

Статья поступила в редакцию 25 июля 2016 г.
Статья рекомендована в печать 24 ноября 2016 г.

Контактная информация

Бадегюль Джан Эмир — кандидат филологических наук; bcan@ktu.edu.tr
Badegül Can Emir — PhD; bcan@ktu.edu.tr